

Баян Барманкулова

искусствовед

ВСТРЕЧИ С ХУДОЖНИКОМ

ПЕРВАЯ

С Андреем Нодой познакомилась я летом 1988 года около музея имени Кастеева. И тут же он пропал из виду: уехал в Караганду, куда был распределён по окончании театрально-художественного института. Потому начало его творческой жизни было вне зоны моего внимания. Хватало алмаатинцев. Увидела его снова через пять лет, когда осенью 1993 года в галерее «Тенгри – Умай» наметилась его персональная выставка. Её директор, Владимир Филатов, предложил написать в буклет. Согласилась, поскольку холсты были уже привезены, а до вернисажа ещё почти месяц. Образы были странны, и это интриговало. Полотен было много. Пришлось разобрать по стопкам. В первой оказались дневные, солнечные. Мир в них плотный, энергичный, декоративный. Художник предстал человеком, полным сил и душевного здоровья, не лишённым озорства и актёрства. Во второй – теневые, сумеречные, ночные. Что-то в них было от сновидений, с их мерцающими ощущениями. «Непроявленные» лица тяготели к экзистенциальной тревожности. Художник явился теперь чувствительной личностью, лелеющей печаль бытия. В картинах из третьей стопки жила некая двойственность: нежный, хрупкий человек и странные фантомы его бессознательного. Хорош был и многофигурный холст «Он принесёт» 1989 года. Напомнил пьесу Беккета «В ожидании Годо».

Узнала теперь, что Андрей Нода сначала учился быть поваром (школа), затем стал электромонтёром (завод) и радиотелеграфистом (армия). Занимался классической борьбой, плаванием, стрельбой из пистолета, спортивным ориентированием. И в перерывах немного рисовал. Последнее победило. Будучи студентом, стал тщательно изучать языковые системы XX века, что даёт возможность создавать образы, минуя иллюзорность. Ближе всего оказался экспрессионизм в изводе объединения «Кобра». В 1986 году он, не без оглядки на Шагала, написал «Флейтиста». И почувствовал себя художником. Наместились сюжеты, которые станут любимыми: одинокое лицо, двое, прогулки, кафе, предметы, места. С тех пор он – живописец, график, фотограф, создатель оригинальных артефактов.

ВТОРАЯ

Следующая встреча случилась в июне 1996-го. В галерее «Улар» (директор Юрий Маркович) состоялась выставка «О-лице-творения». Изобилие лиц-масок, несомненно, результат сложных отношений художника с собственной персоной.

Себя оказалось много. В глубине запряталось коллективное бессознательное со всеми своими архетипами (спасибо Карлу Густаву Юнгу!). В первую очередь явилась Анима: в облике независимой подруги и неприкаянной прохожей. Или наоборот. Обнаружилась личная Тень в виде тревожно расцвеченных лиц. И архетип Смысла. Только вместо мудрого старца (вождя, шамана) явился забавный, наивный, добрый человек, с трудом удерживающий хрупкими руками дом с балконом. Очевидно – символом осмысленной жизни, которая и таится от других, и открыта миру. В те годы было немало переводов текстов Юнга, и многие с увлечением их прочли. Отсюда лёгкость раскодирования. Впрочем, может, это только чудится, что нечто чудится, а на самом деле всякий субъект самовольно соединяет светящиеся в небе точки в собственные созвездия.

Стремясь к силе выказывания, Нода стал подчинять фигуры изобразительным гиперболам, визуализировать поэтические тропы: ломкие руки, хрупкое тело, сумеречная душа. Не стал терять время на «объективную картину мира». Интереснее было материализовать своё «Ты». А здесь, если всмотреться, – непостижимая множественность разбегающегося единого. Понадобились пастозный мазок и мерцающее цветное пятно, решительные контуры и трепетное прерывание линий, гротеск и намёк. Однако художник не солипсист. «Дом, улица, фонарь, аптека» тоже увлекали. В качестве импульса для ощущений. Главное – поспевать за работой зрения, знания, воображения.

ТРЕТЬЯ

В сентябре 1998 в «Тенгри-Умай» открылась выставка «Графические транскрипции». Художник сделал удачную попытку иными средствами передать оттенки ощущений, чувств, мнений. Графика предполагает другие жесты, создающие изображения. Каждая техника помогает заговорить разным составляющим души, хрупким и сильным. Чуткий отклик просит акварели, туши и мягкой кисти. Впрочем, им подвластна и энергия восприятия. Стремительные переживания предпочитают рисунок пером. Впрочем, им можно уловить и тишину чувств. Итальянский карандаш и пастель хороши для ласкающей глаз светотени. Гуашь – для создания непроницаемых поверхностей. Переплетение чувств – для смешанных техник, когда разные соло вступают в квартет, квинтет, оркестр. Коллаж – для любителей растягивать удовольствие: придумай, вырежи, собери, аккуратно наклеи. Глядишь, получится хорошо. Хороши были и листы печатной графики. Каждый оттиск – восхитительный дар зазеркалья. Здесь всегда удивись или, если повезёт, обрадуешься своевольным играм отражений. Возможно, линогравюра любит решительных. Офорт и сухая игла – бережных, меццо-тинто – терпеливых, акватинта – осторожных. Монотипия – для тех, кто надеется на счастливый брак живописи с оттиском. Увлекательно, наверное, различать в себе голоса всего (почти всего) человечества.

ЧЕТВЁРТАЯ

В январе 2004 года в галерее «Алма-Ата арт» (директор Мадина Смагулова) состоялась 21-я по счёту персональная выставка Ноды. В ней случились неожиданные полотна. Художник всегда был «полиглотом». Однако внутри одного произведения предпочитал одно наречие. Теперь увлёкся билингвой. Стал соединять два языка в одной композиции: упаковывать цвет и в геометрию линий, и в подвижность пятен («Модель с цветком»). Давать «персонажам» разные цветовые характеристики. И

вот в «Главной площади» небо соткалось (древняя метафора!) из нарядных цветных полос. В чёрно-белом городе оно слегка раскрасило тень одинокого дерева, крышу одного и стену другого здания. Не намёк ли это на возможность пропитаться духом природы асфальтному человеку? В картинах «Курильщик» и «Город Z» космос-фон многоцветен, а человек и артефакты цивилизации – чёрно-белые. Сопоставление понятно. Природа обладает всеми цветами радуги. Мир человека – оппозиция света и тени, добра и зла, прекрасного и безобразного. Условность изображения позволила войти в игровое пространство искусства, рифмовать знаки-коды, найти мелодию контекста, выказать чувственные и умственные отклики на реалии бытия. Из умелого контрапункта цветного и чёрно-белого возникла картина мира, может, и странная, но всё же полная гармонии и смысла.

С тех пор, как Нода в 2000 году поселился у подножия гор, зазвучала тема согласия художника с непредсказуемым миром и даже с самим собой. Помимо стилизованных домов и улочек появились ландшафты, в которых живёт как бы дух здешней природы, но не приметы как таковые, хотя их можно и узнать, оглядев окрестности. Живописец умеет своё ощущение красоты и энергии горных склонов и вершин, движение облаков и даже гул горной реки передать цветом и фактурой мазка.

ПЯТАЯ

Весной 2007 года в галерее «Алма-Ата арт» состоялась встреча с новыми работами Ноды. Андрей был, как всегда, многолик, загадочен, поэтичен. Даже когда он хотел бы написать просто пейзаж или натюрморт – так нет же! – цвет и соположение вещей непременно обращаются метафорой. И возникает «Странная рыба», что не просто лежит себе на столе, а разноцветным сиянием своим озаряет всё вокруг. Или вот – «Старая лампа». Чего, казалось бы, проще. Однако по краю стола разлеглись чёрные и белые ягоды с черенками – словно нотная запись наивной песенки, да на поверхности столешницы остались отметины пролетевших времен. А узкая полоска синевы, оббегающая форму, субъективно считалась ярким неунывающим настоящим.

Часты композиции с одинокой фигурой – не столько знаком печального бытования, сколько – признаком самодостаточности. Художника не беспокоит анатомия и чувственная телесность. Условные персонажи легко поддаются метаморфозам, вызывающим к восприятию сходств несходных явлений. Или наоборот. Этот Буратино-Пьеро-Арлекин грустно задумчив. Благосклонен к молчаливому другому. Иногда кажется башковитым инопланетянином. Впрочем, и землянин вполне непостижим. Абрис лица схож с нежной каплей, упругим бутонem, хрупким сосудом. Кожный покров вызывает ощущение туманных небес, омота с отражением скользящего мира, шёпота глубинных интенций. Красочное тесто может быть плотным и пастозным, прозрачным и лёгким, напоминающим акварель ала прима, что стремится запечатлеть ускользающее: ведь человек – такая таинственная субстанция.

Впечатлил образ картины «Возможность дуэта» – сияющий голубой и два музыканта. Она скользит гибкой рукой по странной клавиатуре: белых пластинок, пожалуй, больше, чем следует. Он играет на дудочке, из которой вылетает хрупкая мозаика звуков, схожая с многоцветным ландшафтным узором, венчающим женскую голову. Рояль и дудочка – музыкальный оксюморон. Рояль со сбитым ритмом клавиш во власти лукавой и беспечной женщины. Скромная дудочка – удел мужчины, робко пытающегося обозначить своё здесь присутствие. Оба увлечены

игрой, погружены в самое себя, но и магнетически влекутся друг к другу. Странная гармония.

Художник назвал выставку «Живопись». И это было своеобразным вызовом напору местного contemporary art, представители которого отрицали значимость живописи здесь и сейчас. Однако она всегда актуальна и свежа в руках талантливого художника.

ШЕСТАЯ

В начале февраля 2010 года я посетила мастерскую художника, что расположилась около Талгара между рекой и горой, похожей на лежащего верблюда. Сюда он перебрался из Караганды десять лет назад. После чая с пирогами меня усадили в кресло, и хозяин стал показывать картины, созданные в течение 2009 года. Сначала – яркий и звучный «Цветной натюрморт», с белой столешницей, с аппетитной копчёной рыбой на терракотовом блюде, с трехцветной бутылкой и вазой с взлетающими головками цветов. Сразу возник оптимистичный настрой. Следом появилась пара полотен с излюбленными головастыми персонажами. Как всегда, они были и узнаваемые, и неожиданные. Контрасты и нюансы подвижного цвета и многосложные душевные состояния. Художник присвоил им порядковые номера: «Лицо158» и «Лицо 161». Столько он уже нашёл вариантов цветового говорения о человеке.

Потряс холст «Курты». Столь мощный образ рождён был встречей не с великолепным собором Шартра или Ниагарским водопадом, например, а с вполне обычной для Казахстана местностью. Кстати, Андрей любит летом, в сопровождении жены-художницы Натальи Литвиновой и сына Васеньки, автомобильным ходом двинуть в Караганду, где ждут верные друзья. По дороге семейство увлечённо исследует ландшафт, сверяясь с картами и расспрашивая старожилов про особенности мест. И знает эту часть страны очень даже хорошо. Итак, Курты. Четверть века назад я здесь бывала. Ничего интересного. Тем более поразил образ, созданный Андреем. Определяя центр мироздания, ярко белеют стены трёх сельских домов, что расположились по-над багровой дорогой-рекой, голубыми валунами и хрупкими деревцами. Строения с густо-чёрными крышами погружены в розовый цвет степи и неба. Контраст тяжёлого красного низа и лёгкого розового верха создаёт впечатление полёта, отрыва от земли. «Почему такое тревожное красное?» – «Не знаю». Весной эти домики смысл паводок.

СЕДЬМАЯ

В том же году была ещё встреча. В апреле в «Алма-Ата арт» открылась выставка «Лекарство от скуки». Ирония в названии не отрицала серьёзных отношений живописца с красками и кистями. Зрителя ожидали элегантная «Ваза с первоцветом», серебристый «Город-остров», очаровательная «Дача», хрупкий «Орешник» в закатных красках. И странный «Рабочий день» с огромным розовым эллипсом на крыше – прощальным солнечным бликом.

Тронул за душу образ холста «Силуэты». Поздний вечер. Подробности форм исчезли, краски смягчилась. Мир стянулся к большим массам цвета: сумеречно охристая земля, тяжёлые кроны деревьев, темнеющие снежные склоны, чёрные контуры гор. Взлёт вершин и плотная почва. Движение и тишина. Ей внимлет одинокая женщина в светлых одеждах, очарованная красотой мгновения. Кажется, она слышит мелодию земли или даже музыку небесных сфер.

Привлѣк внимание пейзаж с великолепным красным. Цвет лёг на землю, затронул стену и крышу деревенского дома. Сияющий покров не однороден: по нему скользят тени, сообщая о живых неровностях почвы, посверкивают голубое и золотистое. Это отголоски неба и солнца дают знать о себе. Столь замечательная картина названа «Окраина 12». Число это сообщало не о количестве объектов наблюдения, но об особенностях взгляда на одно и то же. Счастье, пожалуй, жить на краю ойкумены, вглядываться в привычное, открывать поэзию места.

На многих полотнах чувствовалось движение к абстрактной живописи. Кстати, Андрей Нода хотел бы ею заняться. Однако энергия натуральных впечатлений взывала к присутствию примет реального мира, пусть и преображенного видением живописца. Эстетика сосуществования конкретного и абстрактного обладает особой художественной привлекательностью. Не только для меня.

ВОСЬМАЯ

В апреле 2012 года состоялась в «Алма-Ата арт» юбилейная выставка Андрея Ноды. Вот следишь за творчеством молодого художника, и вдруг оказывается, что он земную жизнь прошѣл наполовину. Впрочем, сегодня это всего лишь зрелый возраст. Экспозиция была весьма разнообразна. Конечно, не обошлось без «Лиц», порядковый номер которых достиг двух сотен. Они предстали и в живописном, и графическом исполнении. И каждое магнетизировало взгляд. Были забавные композиции, посвящённые охоте к перемене мест. Так, любовь к движению обозначена на листе «В дорогу» забавным соединением домика, лодки и колѣс от телеги в одно целое. Что-то вроде: иду ли, еду ли, плыву ли – моѣ со мной. Запомнилась картина «День поэзии». Страстный красный цвет мира и мечтательная женщина, парящая над садовой скамьѣй, прочерченной хрупкими линиями. Около лица – распахнутая книжица. Велика сила поэтического слова. Возвышает человека над обыденностью.

Как бы итоги. Художника увлекает не фиксация факта жизни, но материализация чувственного и интеллектуального откликов. Создание цветовой и ритмической среды, нахождение рифмы стилизованных форм. Несмотря на нигилизм постсоветского времени, Андрей никогда не упускал из вида человека. Однако согласно духу совпавшего с ним постмодернизма, в его полотнах присутствует снисходительная (но и заботливая) интонация в звучании образных смыслов. Язык формы полон иронических оттенков, маскирующих заинтересованность в человеческой единице. Поскольку человека трудно уложить в прокрустово ложе метафоры, художник создал своих собственных жителей земли, неких гомункулусов, лишѣнных каких-либо этнических черт: человечков, так сказать, в чистом виде. С ними он и разыгрывает всевозможные сюжеты, рождѣнные его воображением, сновидениями, наблюдениями и прочими формами связи творческой личности с внешним и внутренним пространствами. Мир на холсте – словно отражения в колеблющейся воде или кривых зеркалах: очертания зыбки, легко или сильно деформированы. Человечки физически несовершенны и потому особенно трогательны. Со странными лицами и непритязательными телами они печалются, размышляют, мечтают, куда-то устремляются. Персонафицированные знаки души, маски, скрывающие и одновременно выявляющие характер своего создателя.

К радости художника и любителей искусства, в роли мецената выступила компания «Астана Моторс», и на свет появился замечательно изданный каталог работ Андрея Ноды. Это мечта любого художника.

ДЕВЯТАЯ

Замечательно, что творческая жизнь продолжается и после юбилейной даты. В начале весны 2013 года в галерее «Алма-Ата арт» открылась выставка графических работ Андрея, которую он остроумно назвал «Терпение бумаги». В экспозицию вошли произведения уникальной (оригинальной) и печатной графики. В создании первой участвовали карандаш и уголь, пастель и сангина, акварель и сепия, тушь и гуашь. То по отдельности, то в разнообразных сочетаниях. В зависимости от цели добиться прозрачности смысла или достичь сложных эмоциональных мелодий. Печатная графика была представлена офортом, сухой иглой, акватинтой, меццотинто и линогравюрой.

Порадовал виртуозный карандашный рисунок «Начало дня» – с большеголовым печальным человечком и маленькой дудочкой перед ним. Запомнился экспрессивный образ листа «Лицо X», исполненный непроницаемой гуашью. И композиция «Двое в степи», созданная сепией и углём, с трогательно хрупкими персонажами, желающими удержаться на плаву жизни и понять повседневный мир земли (женщина) и мир горных высот (мужчина). «Мыслитель» привлёк внимание чёткостью дефиниций: человек, дом, книга, цветок, небо, облака. Печально всматривается в глубины души и оглядывает весь окоём. В линогравюре немало композиций, вызывающих неудержимое зрительское пристрастие. Нельзя было не влюбиться в образ листа «Равновесие», где человек пытается удержать в равновесии птицу и дом. И в образ листа «Ваш ход», с шахматистом, ошарашенным игровой ситуацией. Иронии и юмора художнику не занимать. Появилась в арсенале художника и коллаграфия – структурная графика. Композиция-коллаж при печати даёт особое фактурное звучание. Листы «Прогулка с птицей» и «Двое под деревом» – яркое тому подтверждение. У Андрея нет оттисков с повтором цвета. Лицо персонажа может быть белым, чёрным или зелёным. Другой цвет – иное звучание образа. Каждый оттиск претендует на статус уникальной графики. Такие вот графические градации воображения.

ДЕСЯТАЯ

Эта встреча состоялась в «Kazarian Art Center» (директор Эдуард Казарян), в мае 2016 года. Нода иронично назвал выставку «54+». После 15 апреля это самое плюсование и началось. Сколько бы ни было встреч, художник всегда удивит и обрадует своими полотнами, даже если в них давно знакомые сюжеты. Например, «кафе» – место встреч и задумчивого одиночества, где прозрачная свежесть красок и изящество линий – знак артистизма и поэзии происходящего. Их уже немало, и все разные. Или «прогулка» – грустное, беспокойное, оживлённое скольжение мимо-мимо, в одиночку или вдвоём, иногда – вот странность – с птицей или рыбой, вызывающими у меня ассоциации со стихиями, без которых нет жизни. И здесь нюансы. Или «двое» – варианты бытия в амплитуде пиано-форте. То прозрачные звонкие и тихие цвета, подчинённые ясным контурам форм. То густые непроницаемые смеси, как душевная глухота собеседников.

Трудно было не заметить картину «Цейтнот». С чудесной здесь паникой: он и она всплёскивают руками, а чашки с кофе, птица, ложка, шахматные фигурки – скользят, летят, падают. И всё это в точно выстроенной мизансцене. Хороша также композиция «Соседи», где с весёлым остроумием показано плотное, тесное, шумное сосуществование разных персон, игрой случая вынужденных жить рядом. И натюрморты, в которых предметы ведут себя сходно с человеком: выставляются напоказ, мирно соседствуют или конфликтуют.

ОДИННАДЦАТАЯ

4 марта этого года в «Kazarian Art Center» состоялся вернисаж графической выставки Андрея «Цап-царап». Все работы выполнены в технике граттаж, что на французском значит – царапать. Отсюда и легкомысленное название. Лист плотной бумаги окрашивают любым сочетанием цветов, натирают воском и обычно покрывают чёрной тушью с добавлением клея. Затем процарапывают рисунок, обнажая то один цвет, то другой. Всё просто. Недаром эту технику любят дети, с восторгом обнаруживающие под тёмной поверхностью цветной мир.

Нода, конечно же, не ограничился поверхностным чёрным, но стал использовать самые разные цвета, в зависимости от искомого эмоционального звучания сюжета. Например, в композиции «Двое № 207» мелодию образа создают красный и белый. В листе «Четверг. Утро» – голубой, чёрный, белый. Колорит листа «Красный кот» строится сочетанием красного, жёлтого, серо-голубого. Когда того требует чувство, можно даже кинуть пастозный мазок, чтобы оживить поверхность. Добавить нужного цвета, если его не оказалось в нижнем слое. Нода никогда не пасовал перед техническими кордонами. Свободно двигался к постепенно возникающей цели. И пока «тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения» – можно уточнять и уточнять форму. В мастерской Ноды граттаж стал своего рода хроникой творческого процесса. Всё, что ни сделано: ещё одна черта, ещё одно пятнышко цвета, ещё одна деталь – всё встраивается в многосложное целое.

* * *

Мир в композициях Андрея Ноды сегодня предстаёт не сходным с тем, что было вчера. Кисти и краски в его руках способны улавливать бесконечное разнообразие душевных откликов на красоту мира, расположенного прямо под рукой или в глубине воображения. Он мудро полагает, что в жизни всё уместно, и позволяет судьбе и творчеству случаться. И потому можно быть уверенным, что будущие встречи снова удивят и порадуют всех нас, поклонников его таланта.

Кстати, за годы моего знакомства с художником у Андрея Ноды было немало выставок в США, Европе, России. Их я не видела. В марте-апреле состоится выставка в Москве. Её я тоже не увижу. Жаль. Всегда интересно узнать, как смотрятся работы художника в других пространствах.

